

1915 - октябрь 1917 гг. (до Октябрьской революции)

- Край завесы
- Революция впереди
- Неизбежное началось
- Коптильники революции
- Главный козырь революции
- Тупик революции
- Историческая грань
- К моменту
- Власть в руки "революционной демократии", "вся власть Советам" или — "диктатура пролетариата"?
- Вместо передовой
- Конец ли это?
- О так называемом «выступлении»
- Что же дальше?
- О восстании

Край завесы

1915, Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919

Нью-Йоркский "Голос Труда", №№ 50 и 51, 27 авг. и 3 сент. 1915 года. Статья написана в Париже под живым впечатлением разговора с В. Л. Бурцевым. Бурцев отстаивал „оборонческую" позицию. Я сказал ему: если в истории есть хоть какая-нибудь логика, хоть какой-нибудь „закон равновесия", то война, по моему мнению, должна будет пойти так: поражение России; сильный удар Франции; революция в России, конечное поражение Германии (Англией?) и переход к революции немецкой, и, затем, всемирной. Я подробно развил в разговоре мои соображения. В статье — первой части разговора придана несколько иная форма.

“ Бьют не Россию: бьют режим.

(Из недавних разговоров)

В самом начале войны мне случалось не раз беседовать на тему об открываемых ею "перспективах" и "горизонтах"... И, далее, о том, какие именно перспективы представляются, — учитывая войну, как исторически совершившийся факт,- наиболее выгодными, наиболее „желательными" теоретически, с точки зрения интересов революции и освобождения трудящихся.

Помню, я нередко выражал тогда свою точку зрения следующим, приблизительно, сжатым и „парадоксальным" образом.

Если бы, — говорил я, — управляющее судьбами человечества Провидение вдруг, как это бывает в сказках, остановило меня и сказало: "Слушай, смертный! У меня явилось капризное желание поступить в этой войне так как ты мне прикажешь... Говори, чьей победой хотел бы ты, чтобы она кончилась. Я сделаю по твоему слову..." Если бы, таким образом исход войны был поставлен в зависимость от моего прямого, личного желания то я ответил бы:

Хочу, во-первых, чтобы немцы разбили русских, ибо это может дать необходимый "физический" толчок к назревшей в России революции.

Хочу, во-вторых, чтобы немцы нанесли хороший удар Франции, ибо это может и французам помочь выбраться из того мещански-буржуазного болота в каком они увязли по горло.

Хочу, в третьих, чтобы, в конце-концов, кто-нибудь разбил на-голову и самих немцев, по аналогичным соображениям.

Не знаю, сумело ли бы мудрое Провидение выполнить мои желания.. Вся трудность для него, в этом случае, заключалась бы, вне всяких сомнений, в том "ком-нибудь", который должен был бы, в конечном счете разорить самих немцев. Ибо, если бы мне, так-таки, и пришлось говорить серьезно с Провидением, то, разумеется, я поставил бы условием, чтобы этот "кто-нибудь" не был одним из современных буржуазных государств...

Множество раз, с тех пор, ставился и серьезно разбирался в социалистической печати всех оттенков жгучий вопрос о том, что было бы большей угрозой и опасностью для свободы народов, для демократии, для дальнейшего развития рабочего движения, словом — для поступательного движения человечества: победа ли германского блока, или же победа альянса?

Совершенно естественно, что вопрос этот никогда не мог быть определенно и неопровержимо решен, ибо для того или иного решения его нет достаточных данных. Авторы ограничивались, конечно, тем, что высказывали свое личное мнение и старались более или менее убедительно его аргументировать.

В частности, и на страницах "Голоса Труда" вопрос этот затрагивался не один раз. Читающие его товарищи знают, конечно, что, напр. тов. М. Корн склонен усматривать большую опасность в победе германского имперо-милитаризма, тогда как сама редакция "Голоса Труда" опасается в меньшей степени победы русско-французского альянса.

Имелись также серьезные попытки ввести вопрос в плоскость не чьей-либо, а "ничьей" победы. Предвиделось, что наилучшим, с сказанной выше точки зрения, результатом было бы, чтобы никто не побеждал; чтобы все, в виду простого истощения сил и невозможности продолжать войну, вернулись восвояси и "с пустыми руками". Указывалось, что такой результат мог бы весьма наглядно показать массам всю нелепость войны, всю бессмысленность и бесполезность затрачиваемых сил и приносимых жертв; мог бы вызвать в массах глубокое брожение и недовольство; причем ни одно правительство, в этом случае, не имело бы повода особенно ликовать и гарцовать перед своими "верноподданными"... "Голос Труда" не раз останавливался на этой гипотезе и совершенно справедливо отмечал, что ход событий дает известные основания предугадывать такой исход войны "в ничью".

Но, до самого последнего времени, невозможно было высказаться по всему этому вопросу сколько-нибудь определенно, в смысле предположений и учетов... Приходилось идти чересчур ощупью. Трудно было приподнять хотя бы краешек тяжелой завесы, отделяющей нас даже от ближайшего будущего...

Развернувшиеся в самое последнее время и продолжающие развиваться все в том же, новом направлении события позволяют уже теперь, кажется мне, приподнять этот край завесы и, — пусть еще весьма предположительно, но с еще более вескими основаниями, — остановиться на кой-каких общих перспективах.

События эти состоят, как известно, в том, что Россия в настоящее время терпит, по-видимому, окончательное и решительное поражение, и что, в связи с таковым, внутри страны растет недовольство, начинается брожение, напоминающее, по своему характеру, "смутное время" 1904—1905 годов.

И вот тут-то вспоминается мне невольно мой фантастический разговор с мудрым Провидением.

Всякий раз, когда читаешь о чудовищных поражениях русских армий, в связи со всем тем, что узнаешь о внутренних событиях на родине, — не можешь не говорить себе: "Пусть ужас охватывает при мысли о той цене, какую платит русский народ истории за счастье быть еще раз побитым в войне. Пусть кровь стынет от ярости, скорби и муки при виде всего того, что разыгрывается в настоящее время в злосчастной России.— но, не пройдет же все это бесследно!... Поражения и их последствия могут, должны дать новый толчок русской революции... И на этот раз, если только революция начнется, она будет иметь серьезные шансы на успех..."

И невольно думаешь дальше: "В конце концов, не так уж невозможно, чтобы Германия разбила-таки, в большей или меньшей степени, всех своих противников... Россию она, во всяком случае, может разбить на голову, это ясно... И — кто знает? — такой финал приведет-таки, быть-может, к взрыву народного гнева в России, а затем, может-быть, и во Франции, а быть-может и в Англии... Ибо — переполнится всюду чаша терпения народного..."

И тут же думается: "Но, Бог мой! Что же будет тогда твориться в "победоносной" Германии?... Какой ужас предстоит в будущем немецкому трудовому народу, если Германия выйдет из войны решительной победительницей, в ликования диктующей условия мира!.. Какая страшная реакция, какая оргия империализма, милитаризма и пр. может начаться там!.. И каким огромным препятствием может служить эта черная сила революционному размаху в других странах... Нет. Необходимо, исторически необходимо, чтобы и Германия была, в конечном счете, кем-нибудь побита; чтобы и в Германии не могло быть победного ликования..."

И думается еще: "Но, быть-может, Германия, истощенная, вынуждена будет, в конце концов, капитулировать перед Англией?.. Англии, быть-может, в настоящих условиях в особенности, — менее других "вредно" выйти из войны в роли победительницы?.. Или, может-быть, Германии, даже в случае победы, будет не до ликования после этой бойни, и население её, все-таки, будет недовольно?.."

И чувствуя, что эти последние размышления неубедительны, наталкиваешься на еще одну возможность, еще одну "перспективу", — ту самую, к которой я, собственно, и веду свою речь.

Возможность эта могла бы показаться утопической, почти "дикой", если бы не наличие нескольких весьма веских, говорящих за нее, соображений:

1) Не следует упускать из вида, что настоящую войну нельзя рассматривать и учитывать, как отдельное, законченное, самостоятельное и самим собою исчерпываемое явление. Война эта представляет из себя, во всяком случае, явление исторически грандиозное. Её "итоги" не могут замереть в пределах её самой. Бесчисленные и глубокие круги пойдут от неё во все стороны и на многое число лет. Она положит глубокий отпечаток на все XX-е столетие. Она явится, несомненно, началом целой великой эпохи, — эпохи длительной и колоссальной как по своему размаху, так и по своему содержанию и последствиям... Она, сама по себе, — лишь прелюдия к целому ряду крупнейших потрясений, перемен, сдвигов и переворотов... Ибо слишком до основания потрясет она устоявшееся-было и начавшее кое-где загнивать болото исторической жизни народов, и вызовет в этих спящих водах не одну бурю, не один ураган...

Ну, а если позволительно предположить, что волны этой войны не улягутся в берега, не поразмыв основательно "устоев" внутренней жизни народов; что взбаламученное этой войной до самого дна море народной жизни не успокоится так легко и просто, и отраженным образом вызовет новые и новые бури и потрясения, — то позволительно идти в своих рассуждениях и дальше, а именно:

2) Быть-может, разбитая немцами Россия произведет еще до окончания этой грандиозной войны (мы имеем пример тому в Русско-Японской войне) резкую, решительную и плодотворную революцию, перед которой "революция" 1905 года была лишь "генеральной репетицией"...

Быть-может, эта революция окажется настолько "великой", что, подобно Великой Французской Революции, вдохнет колоссальную, всесокрушающую энергию в сердца людей; быть-может, тогда русский народ, подобно французскому во дни Великой Революции, восстав и решительно сломив старый строй, сумеет быстро организовать крупные силы и преобразить войну гнилого русского самодержавия с немецкой военно-промышленной кастой в действительно освободительную войну революционного, проснувшегося к новой жизни народа со всякими, в том числе и немецкими насильниками; быть-может, не только бельгийские, итальянские, французские и английские, но и сами немецкие сознательные массы прямо или косвенно поддержат его в этой великой, революционной войне; и, быть-может, молодая революционная Россия справится, таким образом, с немецким военным насилием, подобно тому, как санкюлоты Великой Революции справились с поднявшейся на них европейской коалицией... Быть-может, эта великая эпопея подаст сигнал к великому пожару, и в буре всеобщего негодования и бунта рухнут и разобьются, наконец, тысячелетние цепи рабства на всей освобожденной земле?...

Согласен, что такие "перспективы" могут захватывать дух и вызывать головокружение, а иным скептикам покажутся даже просто смешными, утопическими, выхваченными из романов Уэльса... Но повторяю, во-первых, что, если только не бояться окинуть взором эту эпоху всю, в её целом; если не бояться заглянуть в нее глубже и дальше, за акт войны самой по себе; если принять эту войну лишь как пролог затяжной и несущей в себе глубокие

здатки и огромные потрясения драмы целого столетия (а истекший год войны и созданное ею ныне положение вещей дают некоторое право на такую точку зрения): если, словом, рассматривать нынешние события, как начало событий огромного, всемирно-исторического размаха, — то предлагаемое рассуждение не будет казаться столь уж невероятным... А во-вторых, я всегда помню две вещи: я помню 1), что реализация "большой" революции, революции социальной, потребует почти неизбежно предварительных глубоких потрясений, вероятнее всего — именно войны... И я помню 2), что мы "не знаем ни дня, ни часа, в которые грянет Сын Человеческий", и должны, поэтому, быть постоянно настороже, постоянно готовы...

Вот этот-то, практически (или, если хотите, тактически) обязательный для нас вывод, резко подчеркнутый создавшимся ныне положением вещей, меня больше всего и занимает. Ради него-то, главным образом, я и стремлюсь приподнять ныне "край тяжелой завесы..."

Ибо, я лично нахожу смешными, близорукими и утопическими как-раз "перспективы" тех наших "социал"- и "анархо-патриотов" (термин не совсем, или даже совсем неудачный, но уже приобретший право гражданства), которые, сводя данную войну к нашествию "варваров-тевтонов" на "демократическую цивилизацию" остальной Европы, проповедуют сперва отражение нашествия, в священном единении с правительством и с отказом от тени "революционного действия", а потом уже — некую внутреннюю борьбу... Ибо, если бы Германия была действительно разбита соединенными силами альянса и, в первую голову, российским самодержавием, то, по моему личному мнению, это был бы такой ужас, такое черное и длительное царство реакции, перед которым тускнеют все опасения за последствия немецкой победы...

В противовес лозунгу этих „утопистов“: сперва союз с собственными варварами и самоотречение, а потом, может быть, революция, - в России само собою назревает в настоящее время обратное настроение и, силою вещей, создается почва для усвоения массами как-раз обратного лозунга: прежде всего, и скорее - революция, а затем или заодно с тем - революционно-освободительная война против всех видов насилия и против всех его носителей, русских, немецких, иных.

Само собою разумеется, что события могут еще направиться и по иному руслу. Ни я, ни кто другой не пророчествуем... (Я уверен, что тысячам русских эмигрантов, как и мне, лично было бы глубоко больно, если бы революция вспыхнула в России до окончания войны, ибо, в таком случае, им не пришлось бы, вероятно, принять в ней непосредственное участие...).

Я лишь снова и снова ставлю все тот же общий вопрос: с какими лозунгами революционеры и анархисты должны, на почве этой войны, подходить к массам? Что должны они нести им?...

И я отвечаю: единственный мыслимый для нас, сознательных революционеров и анархистов, лозунг, во всякую минуту и при всяких условиях, — революция и революционная война

против всякого насилия, а не отказ от революции ("временный"!) и патриотическая война... Массы — могут быть насильственно вынуждены принять последнее, но нашим лозунгом, нашим делом оно становится никогда и ни на одну минуту не должно.

И вот, когда события принимают такой оборот, как в настоящее время в России, — то становится особенно ясно, что именно этот, революционный лозунг есть правильное толкование и выражение нашей идеи, есть наш истинный, не подлежащий изменению, "вечный" лозунг... Становится ясно, что грубую ошибку совершают те, кто, ради чего бы то ни было, и хотя бы на одну минуту, отрекаются от него... Ибо история, эта великая предательница, всегда угрожает бросить в мир справедливость высшую, правду вечную, и мы, — носители этой правды и справедливости, — должны неизменно и верно служить только ей, а не лакействовать перед другими, низшими и временными силами истории... Иначе, история может жестоко обмануть нас, и мы можем неожиданно очутиться в хвосте её... "Отрекающиеся" рискуют, по близорукости, не разглядеть перста истории и промахнуться... Но неправда, будто мы, не принимающие войну, *"с легким сердцем рискуем нашествием всяких ужасов завоевания"*. Неправда потому, что эти ужасы — ничтожны, вымышлены, миражны перед лицом "высшей правды", высших интересов трудящихся рабов земли. Неправда потому, что история, в конечном счете, — с нами, с нашей великой идеей, и мы не рискуем быть преданными ею, если только сами не предадим её. "Отрекающиеся" совершают уступку — пусть временную — "правде низшей". История может жестоко насмеяться над ними, наказать их, дав как-раз место "правде высшей"...

И в данном случае, в нынешних событиях, история как-будто именно и собирается подтвердить всю глубокую жизненность, всю вечную, неизменную правду нашего лозунга. Вот она готова бросить его сама, помимо нашей воли. Она готова подчеркнуть его вечную истинность, невозможность никогда, ни при каких обстоятельствах, ни на минуту отказа от него... Имеющий уши слышать её голос — да слышит!...

Мы проповедуем наши анархические идеи потому, что если бы сейчас все приняли и воплотили их, — мир стал бы иным. Их сейчас не принимают. Это не заставляет нас, однако, отказываться от них. Ибо - придет наш час, и мы не знаем, когда придет он, и должны быть всегда готовы к нему и стараться ускорить его приближение.

Должны ли же отпадать или меняться наши вечные лозунги против войны, против участия в войне и за революцию от того, что в известные моменты масса не принимает, не может принять их? — Нет, конечно. Не должны. Или — если должны, то и всю остальную нашу истину, неотъемлемую частицу которой составляет эта, первая, позволительно исказить, изменять и урезывать, приспособляя ее к надобностям момента и поведению масс.

Вот где начинается наклонная плоскость оппортунизма.

И вот почему я считаю небесполезным приподнять теперь же край завесы.

События начинают, наконец, говорить живым, внятным языком. Тяжелый хмель первых дней проходит...

Открывается почва для нашего дела, для нашего, единственно верного, вечного лозунга: революция и борьба революционного народа со всеми видами господства и насилия, вплоть до возможного максимума достижений.

Все те, кто призывали в России к "миру" вместо революции; все те, кто изменили этому "вечному лозунгу", могут быть теперь с минуты на минуту вынуждены снова изменить себе и вернуться к старому призыву. Почему же?.. Потому ли, что их "программа" выполнена и "враг" поражен? Нет. Наоборот (о, ирония судьбы!): потому, что враг поражает. Потому, что история обманула их. Потому, что слепо-логичная, слепо-правильная (в данном случае) сила вещей сама непреодолимо вела дело против их, несоответствующих с нею, с её высшей правдой, лозунгов и, в результате, дает в массах "контр-пар"... И будут они ловить ускользающие от них тени и приспособляться массам... Право, логичнее и последовательнее для них было бы и теперь, когда нарастают гнев и бунт, воздевать руки к небу и возглашать: "Что вы делаете?.. Вы же губите цивилизацию и демократию!.. Прежде всего—побейте немцев! Уничтожьте зверского врага!.. А потом уже — сделаем революцию.." Ибо, истина ведь должна быть одна, и логика — одна, и лозунг—один, а не два, три, четыре, смотря по обстоятельствам; не так ли?.. Массы же переменчивы; и если уж начать гоняться за ними, то может прийти каждый день кричать по разному...

Мы же все, оставшиеся все время неизменно верными нашей правде, должны в настоящий момент еще ясней осознать наш лозунг, еще глубже понять всю святую необходимость сейчас еще решительнее и ярче бросить его.

Приподнятый ныне край завесы ослепительно ярко показывает нам, что сейчас, все так же как и всегда, только с еще большей силой жизни, ибо готова почва, этот лозунг, — приемлется он массами или еще нет, — должен быть: немедленная революция!.. А все прочее — приложится.

Ибо — да будем мы всегда готовы к приходу «Сына Человеческого»; и да встретим мы его с возженными светильниками...

Революция впереди

1917, 23 марта. Нью-Йоркский „Голос Труда“, № 130. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

Мы осуждены оставаться вдали от событий. Мы не можем сейчас ринуться туда — в Россию, к восставшему народу, к братьям, к товарищам... Мы отрезаны от родины морями и землями, сушей и океаном. Мы оторваны от неё войной...

Из продажных, лживых здешних газет мы узнаем лишь жалкие крохи истины.

Мы осуждены, пока, на бездействие. Мы не живые участники событий. Мы даже не очевидцы. Мы — далекие-далекие зрители...

Мы не можем судить, решать, призывать... Мы едва осмеливаемся думать...

Но — одно только мы можем, мы имеем право и мы должны сказать: то, что произошло в России по сей час, это — еще не революция.

Родзянко — "вождь" революции. Дума — центр. Армия — вершительница. Львовы и Милюковы — приказчики и управляющие. Собственность — благословенна. Война — священна...

Что до всей этой "музыки" народу - измученному, изголодавшемуся, гибнувшему народу, крестьянам и рабочим?!..

Крестьянам нужна земля. Вся земля.

Рабочим нужны копи, рудники, фабрики, заводы, мастерские, машины. Все средства производства.

Народу нужен мир.

Народу нужны хлеб, жилища, одежда...

Народу нужна свобода. Полная свобода действий.

Получит ли он все это насущное от Родзянок, Львовых, Милюковых или от какого-то ни было правительства, от какой бы то ни было власти?

Никогда.

Он должен взять все это сам.

Возьмет ли?.. Пойдет ли дело дальше, вширь и вглубь? Станет ли оно подлинным всенародным делом?

Вот в чем весь вопрос.

Если дело остановится на том, до чего оно пока докатилось, то-есть на победе "русской партии" и на водворении "конституционно-монархического образа правления" с министрами из кадетской партии, — то можно назвать сию историю, как угодно: "государственным переворотом", "кадетским переворотом", "патриотическим переворотом", наконец — просто "переворотом", но только не революцией.

Народ, крестьяне и рабочие не получают от такой "революции" и ломаного гроша.

Но если события не застрянут на "конституции"; если они всколыхнут всю народную массу и вышвырнут решительно за борт всех Николаев Николаевичей, Родзянок, Милюковых, Львовых и всяких иных "вождей", царей и правителей; если народ возьмет-таки судьбу свою в свои собственные руки, провозгласит повсюду "вольные города" и "вольные деревни", организуется в свои крестьянские и рабочие союзы и приступит к отобранию в общественное достояние земли, средств, производства и способов передвижения и сообщения; если народ сам займется решением вопроса о войне и мире, — тогда и только тогда можно будет говорить о революции. Только тогда приподымется тяжелая завеса, за которой скрыты ближайшие судьбы и России, и других стран, и самой войны...

Есть ли шансы за то, что события не остановятся в тупике и выйдут на широкую дорогу революции?

Да, есть. И мы поговорим о них в следующей раз... И будем ждать, надеяться, верить...

Мы не можем, в данную минуту, действовать, решать, призывать.. Мы не участники событий...

Мы можем лишь думать, волноваться, желать...

И пожелание наше ясно: долой правительство! Да здравствует революция!..

Неизбежное началось

1917, 13 апреля. Нью-Йоркский «Голос Труда», № 133. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

Даже американская печать, которая, по понятным причинам, старается представить дело так, будто революция в России благополучно завершилась и в стране наступило благословенное царство тишины, свободы и "демократии", — даже американская печать вынуждена ныне робко признать, что России "угрожает опасность гражданской войны"; что отношения между "Временным Правительством" и "Советом Рабочих и Солдатских Депутатов" все более и более обостряются; что ставшее, было, устойчивым положение правительства — колеблется.

Другие, не американские источники дают о действительном положении вещей в России более откровенные и подробные сведения.

В нью-йоркской немецкой (социалистической и интернационалистской) „Фольксцейтунг" от 9-го апреля имеется телеграмма от собственного корреспондента из Петрограда, в которой, между прочим, рассказывается следующее:

“ С неделю тому назад, Комитет (Совета Раб. и Солд. Деп.) решился, под предлогом опасения контрреволюции, арестовать всех членов Думского Исполнительного Комитета. Снабженные приказом об аресте, специальные уполномоченные отправились, в сопровождении нескольких солдат, к Таврическому Дворцу, где они были остановлены стражей. Последняя, узнав, а чем дело, недвусмысленно заявила, что не позволит арестовать членов Думы". Советская делегация вернулась, таким образом, без результата. Ниже, в той же телеграмме, сообщается, что комитет Совета тогда же решил арестовать бывшего царя и заключить его в Петропавловскую крепость. С этой целью, Комитетом отряжены были в Царское Село 150 вооруженных солдат, с письменным приказом об аресте. Комитет рассчитывал, при этом, на преданность командующего стражей офицера, приверженца Совета. Но оказалось, что, без ведома последнего, начальник стражи был заменен другим офицером, который не допустил ареста.

Имеется целый ряд и других указаний на то, что вражда между силами, поддерживающими Думское Временное Правительство, и силами, группирующимися вокруг Совета Рабочих Депутатов, усиливается, углубляется, растет.

Надо думать, что вражда эта будет нарастать и обостряться до тех пор, пока обе силы, обе власти не придут, наконец, к решительному и резкому столкновению.

Все это — как нельзя более естественно. Всего этого надо было ожидать. Все это совершенно неизбежно, неминуемо.

Как естественно и неизбежно было в России, в момент решительной революции, самое возникновение двух очагов, двух ячеек, двух "центров", двух "властей", — так же естественны и неизбежны дальнейшие пререкания и конфликты между этими двумя "центрами" и, наконец, решительная борьба между ними.

Характерны и важны при этом, конечно, не подробности, не отдельные моменты и эпизоды этой борьбы, — эпизоды, которые могут быть и извращены, и неверно освещены иностранной печатью.

Характерно и интересно тут общее положение вещей в его целом.

На основании учета многих реальных условий русской жизни, — условий, на которых мы не можем здесь останавливаться, — твердая и прочная победа либеральной буржуазии и буржуазно-демократической идеи всегда представлялась нам в России, в случае решительной революции снизу, невозможной.

И теперь — нам кажутся неизбежными не только резкая, открытая борьба между думским правительством и Советом, но и (рано или поздно) решительная победа последнего.

После недолгого перерыва, второй этап представляется нам именно в виде решительной борьбы за власть, — борьбы, вероятно, длительной и, очень возможно, не бескровной, — между либерально-буржуазным "республиканствующим" правительством и Советом. И этот, второй этап завершится, вне всяких для нас сомнений, победой Совета, т. е. победой той власти, которая выдвинута и поддерживается передовой, социалистической частью русского пролетариата и является первым шагом по пути к воплощению социал-демократической идеи.

И это — все?

Нет, далеко не все. Чтобы довести нашу мысль до конца, скажем, в кратких словах, тут же, что и этот второй этап кажется нам не последним: что и эта, вторая борьба кажется нам не завершающей Революцию; что и эта, новая победа кажется нам не окончательной.

Опять-таки, учитывая целый ряд объективных условий русской жизни, мы думаем, что твердая, прочная победа социал-демократической идеи окажется в России тоже невозможной.

Мы думаем, что после некоторого, более или менее продолжительного перерыва, борьба неминуемо возобновится. Начнется третий и последний этап Русской Революции, — этап, который сделает ее поистине Великой Революцией: начнется борьба между живыми силами, выдвигаемыми творческим порывом народных масс на местах, т. е. между непосредственно и самостоятельно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения, — организациями, приступающими, таким образом, к самостоятельному

созиданию своей истинно новой жизни, с одной стороны, и — отстаивающей свое существование нейтралистской социал-демократической властью, с другой стороны. Борьба между властью и безвластием. Борьба между двумя издревле ведущими спор социальными идеями: марксистской и анархической.

Мы не сомневаемся, что эта борьба закончится победой анархической идеи. Мы не сомневаемся, что эта борьба завершится победой самостоятельных, живых рабочих и крестьянских организаций на местах, в их творческом порыве к новой жизни — на началах полной децентрализации, полного безвластия: на началах организации союзов безвластных общин, городских и сельских, союзов "вольных городов" и "вольных деревень" на началах анархического коммунизма.

Еще в 1905 году, в самом разгаре тогдашней трагедии, отошедшей ныне в далекое кровавое прошлое, — мы, вдумываясь в реальные условия русской жизни, находили, что в России возможны только два "образа правления": или насильственно поддерживаемое силою оружия самодержавие — в той именно форме, в какой оно просуществовало до сего года; или, в результате длительной революции снизу, — отсутствие всякого "образа правления"; т.е. — организация новой жизни снизу же, с мест, "от окружности"; т.е. — федерация союзов вольных общин и организаций, городов и деревень: т. е. — Анархия.

Мы остаемся и ныне при нашем убеждении. И, быть может недалеко уже то время, когда сама жизнь, мечем и огнем решая вопрос, скажет всем нам, в чьих руках истина.

Коптильники революции

1917, 27 апреля. Нью-Йоркский „Голос Труда“, № 135. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

Есть люди с ничтожной, мелкой, трусливой душой, — с душой жалкой и темной, которая жметя, замирает и прячется от яркого света, от шири жизни, от простора творчества, от смелого полета мысли, от свободного размаха воли и дела...

Есть люди с сердцем робким и боязливым, с сердцем маленьким, бескровным и слабым, — с сердцем, которому не дано вместить ни яркого вдохновения, ни большой любви, ни могучей ненависти, ни страсти, ни огня...

Есть люди с умом хилым, старческим и пугливым, с умом низкорослым и тесным, которому не дано видеть вершин и далей, которому не суждены ни глубокое понимание прошлого, ни мудрая оценка настоящего, ни проникновенное предчувствование грядущего...

Есть люди с совестью фальшивой и дряблой, с совестью гнусливой и хриплой, — с совестью, которая истаскана по торным дорогам сделок и компромиссов, которая цинично и нагло продает себя грязным маклерам на рынке человеческой подлости...

Есть люди... в которых так мало человеческого, так мало божественного!..

Есть люди — усталые, ослабевшие, изнемогшие, — люди, павшие мыслью и духом; люди, опустившие свои, когда-то сильные, крылья; люди, угасившие ярко горевший некогда огонь свой; люди, ослепившие свое зрение, отрекшиеся от былых просторов, вершин и далей, от бесстрашных полетов, от размаха, от творчества без граней...

Они не опасны, они не страшны, они безвредны и безобидны, — все эти люди, — когда мирно и тихо сидят они по своим гнездам, углам и кельям, нанизывая, день за днем, свое тусклое, серенькое существование; кропая, из часа в час, свои скромные, маленькие личные дела и делишки; скрываясь в тени своего сладенького жития от света, грохота и шума большой человеческой жизни и никогда, никогда не заглядывая за пределы "своей" конторы, "своей" столовой, ближайшего театра и жениной постели...

Они безопасны, эти люди, когда, смутно угадывая свою малость и слабость свою, они живут, как бескрылые насекомые, не порываясь летать... Они безвредны, когда не навешивают оружия на свои мещанские одежды...

Чадят они тогда понемногу своей копотной, душной жизнью и отравляют воздух на нашей планете. Но светильники мира на то и горят, чтобы разбивать, разгонять, рассеивать эту серую, удушливую мглу бескрылого прозябания и освещать человечеству путь к снежным вершинам, к сияющим далям, к лучезарному солнцу...

Увы! Когда, наконец-то, вся, тысячелетиями накопленная, мгла и муть приходит в движение, начинает волноваться, колебаться и рассеиваться; когда мрак, копоть и чад начинают уступать силе побеждающего, животворящего света; когда светильники мира разгораются все ярче и ярче и вот вот, кажется, одолеют и разгонят тьму, — тогда, именно тогда (о, проклятие!) вылезают из нор своих родители тьмы, гасители света и кропатели жизни... Они не желают больше мириться со своими маленькими делами, с своей затхлой жизнью, с своим бескрылием. Они хотят летать, как другие. Они хотят светить... Они тоже хотят творить и действовать...

И вот, выползают они, — эти робкие, слабые, незрячие люди, — на большую, широкую дорогу жизни, борьбы и творчества. То злобствуя и гнусавя, то пышно и величественно разглагольствуя, то кривляясь и паясничая, шмыгают они меж другими, и забегают вперед, и шумят, и трубят в фальшивые трубы праздного ликования, и потрясают дешевым оружием самозванных рыцарей, и спешат налить хоть плохенького маслица в свои пустые сосуды... И возжигают они свои коптящие светильники. И светильники их чадят, и темнят, и отравляют воздух тусклым, беспламенным горением своим...

Шипят, трещат, коптят и тухнут их жалкие плоски. Но они все бегут; бегут вперед, одни за другими; бегут в припрыжку; бегут сотнями, тысячами; бегут всюду, куда ни глянет глаз... И кричат тоненькими, визгливыми и гнусавыми голосами: "И мы, - и мы с вами... Мы тоже боремся... Мы тоже летаем, мы тоже творим... Мы тоже революционеры... Слышите, мы кричим: «Да здравствует революция!»... Мы тоже за революцию... Мы хотим революции.. Мы тоже, мы тоже..."

Коптильники революции! Не лучше ли было бы вам молчать, уйдя подальше, зарывшись поглубже от налетевшей великой грозы, ибо не понять вашим маленьким, робким душам этих сверкающих молний, этих раскатов грома?...

Не лучше ли было бы вам продолжать и теперь кропать вашу крохотную жизнь и чадить там, внутри ваших нор, ибо пора, пора победному свету воссиять над миром!...

Не лучше ли было бы вам зарыться с головой в мягкие, уютные подушки мещанских постелей ваших и переждать грозу, ибо мещане вы и мещанами остались, и нет вам места среди творцов новой жизни...

Чадом своим не угашайте света!

Слушайте, впрочем, вы все, коптильщики революции! Вы, её мещане, старцы, слепцы и гасители!...

Вот встают народы по всему миру. Встают рабы. Встают легионы несчастных по всей земле, дабы прогнать тьму. И несут они светильники полные и яркие; светильники, исполненные великой жажды, великой правды, великих исканий... Светильники, горящие пламенем, возженным от самого солнца...

Вам не загасить этих светильников. Вам не удушить этого света...

Нет! Копоть ваших робких, трусливых, маленьких душ не страшна восставшим рабам, приближающимся к солнцу и от солнца возжигающим светильники свои!...

Главный козырь революции

1917, 11 мая. Нью-Йоркский „Голос Труда“, № 137. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

Мы имели уже случай указывать на те, весьма реальные данные, суммарно дает нам серьезный повод думать, что начавшаяся в России революция может, в ходе своего естественного развития, перейти в революцию социальную и завершиться падением капиталистической системы и всех, связанных с нею, политических, общественных и иных форм и отношений.

Очаг революции охватывает страну, занимающую шестую часть суши земного шара и насчитывающую 170 миллионов населения.

Острое революционное состояние этой страны, при котором более или менее обеспечена свобода агитации, пропаганды и организационной работы, будет неизбежно длительным.

Этому длительному революционному процессу предстоит быть процессом, по существу своему, созидательным, т. е. процессом искания и стройки новых основ и форм существования.

В этом искании, в этой стройке неизбежно миллионы и миллионы примут живое участие людей, выбитых (войной и дальнейшими событиями) из "нормальной", обывательской, мещанской колеи и властно брошенных, силою вещей, в водоворот общественной жизни, общественных исканий, общественного дела. Нет семьи, которая не была бы затронута событиями. Нет человека, который не был бы "растормошен" ими. Нет такого угла, население которого не чувствовало бы неумолимой необходимости разобраться в окружающем и принять участие в поисках выхода из создавшегося положения.

"Магнитная стрелка" революции тянется к более или менее отчетливой идее уничтожения капиталистического строя; причем, в дальнейшем ходе революции, эта идея будет неизбежно, с большой быстротой распространяться на широкие массы населения, становясь все более и более ясной превращаясь, все более и более определенно, в практическую задачу дня.

Процессу этого быстрого нарастания идеи и сознания, равно как процессу этого превращения идеи в реальную задачу помогут, в значительной степени, рассеянные по всей стране идеологические силы.

Современное развитие печатного и книжного дела, в связи с острой потребностью в грамотности и чтении у миллионов, властно привлеченных к общественным делам и задачам, людей, а также наличность современных средств передвижения, сношения и сообщения — помогут, с своей стороны, наростанию, распространению и, наконец, осуществлению идеи-магнита Революции.

В аграрной области социальная революция (т.е. экспроприация земли, в тех или иных формах) — неизбежна. И есть серьезные основания думать, что, в связи со всеми другими условиями, социальная революция в области земельного вопроса перейдет, столь же неизбежно, в революцию промышленную и общехозяйственную.

Весь этот, находящийся в таких — совершенно исключительных — условиях, "центральный" очаг длительной революции окружен (условие тоже совершенно исключительное) добрым десятком других, больших и малых, очагов, население которых тоже выбито (войной) из нормальной колеи и подготовлено к революции; причем "зараза", революции, зараза событиями дня перебрасывается из одной страны в другую с необычайной быстротой, благодаря развитию печати, путей и средств сообщения и сношения.

Таковы те основные "шансы" нынешней революции, на которых нам уже приходилось останавливаться, которые резко отличают ее от всех, без исключения, прошлых революций, и общая сумма которых с достаточной, — кажется нам, — красноречивостью говорит за возможность перехода именно этой революции в революцию социальную.

Но все эти "шансы" и данные, даже взятые вместе, приобретают, в наших глазах, действительно решающее значение лишь тогда, когда мы принимаем во внимание еще один, "венчающий дело", самый главный, самый крупный „козырь**" происходящей ныне революции.

Вдумайтесь серьезно в характер тех задач, потребностей, вопросов и интересов, которые, в ходе и в результате разворачивающихся событий, уже встали и еще встанут в будущем перед многомиллионными массами населения (не только России, но почти всего мира) везде, на местах, по городам и весям необъятных территорий, по самым глухим углам, - всюду, где только живут и трудятся люди.

Присмотритесь внимательно тому общему положению вещей, перед которым неумолимо очутятся, в итоге событий, тысячи и тысячи людей на местах.

Задача ликвидации самой войны. Связанная с этой ликвидацией огромная задача восстановления всего разрушенного земледельческого, промышленного, финансового, общественного и всякого иного "уклада". Целый ряд задач, вытекающих из состояния полнейшей продовольственной и общехозяйственной разрухи, приведшей к крайнему недостатку и сказочной дороговизне одних, к полному отсутствию других необходимых продуктов.

При этом — призрак подлинного голода. Призрак полного финансового истощения и банкротства. Запутанность долговых обязательств и платежей по займам. Неизбежность громадных налогов. Общее запустение и обезлюдение страны, и — мало ли что еще!..

Жизнь огромных человеческих масс, жизнь каждой отдельной, составляющей эти массы, единицы — не только выбита из колеи: она приведена, во всех отношениях, в состояние полного развала, полного расстройтва, полного хаоса и ужаса... Жизнь стала сплошным бедствием, несчастьем. Жизнь опустела, истощилась, обескровилась...

И это общее запустение жизни захватило все углы, все клеточки организма страны.

И из этой-то ужасной, истощенной почвы вырастают перед населением задачи фантастической глубины и сложности.

Достаточно хоть мельком взглянуть на это положение вещей, чтобы ясно увидеть, что каждая такая задача, уже сама по себе, — громадна; что таких задач имеется не одна и не две, а много; и, наконец, что все оне, в приложении к разнохарактерным местностям громадной страны, превращаются на местах в тысячи отдельных, разнообразнейших задач, нужд, и потребностей, крайне спутанных, сложных и переплетающихся между собою.

И это еще не все. В то самое время, как запустевшая, расхлябанная, разоренная жизнь представит так мало возможностей для более или менее быстрого и удовлетворительного, планомерного, "сверху вниз" решения всех этих задач, — стремление населения к скорейшему и полнейшему их решению будет - везде на местах - чрезвычайно острым. Все, выдвинутые жизнью, насущные потребности будут повсюду обострены и напряжены до крайней степени. Измученное, изголодавшееся население будет болезненно ждать удовлетворения своего голода, своих нужд, своих запросов и требований...

Вдумайтесь, — говорим мы, — серьезно во всю эту действительность, во всю эту задачу, и попробуйте сравнить ее с теми обычными приемами, способами и путями решения, описания которых мы так привыкли встречать в программах, проектах и предположениях всех существующих мирозозерцаний, течений и партий, включая социал-демократов и социалистов-революционеров.

Учредительное Собрание. Законодательное Собрание... Центр: точка, в которую сведутся 2-3 тысячи "представителей" для разрешения и удовлетворения всех вышеочерченных задач, нужд, потребностей и бед многомиллионного, до дна взбаламученного населения огромной страны.

Не становится ли ясным, — при первом же сравнении задачи с намечаемыми попытками её решения, — громадное, кричащее несоответствие между тем и другим? Несоответствие между насущнейшими, разнообразнейшими и острейшими нуждами, интересами, запросами, требованиями и задачами громадной, вырвавшейся на волю, жизни миллионов людей на местах, и — маленькой, ничтожной, центральной точкой, придуманной дня разрешения, примирения и удовлетворения всех этих задач, интересов и потребностей...

Каким жалким, бессильным, слепым, искусственным и... глупым выглядит, в результате сравнения, весь этот проект решения такой задачи из центра, из одной точки! Какое поистине трагикомическое впечатление производит это несоответствие!...

Заглянем на минутку в прежние революции.

Никогда, нигде, ни одно Учредительное Собрание не могло удовлетворить и не удовлетворяло нужд, потребностей и задач всей массы населения, точнее говоря — трудящейся массы. Каждое Учредительное Собрание удовлетворяло лишь небольшую часть населения — имущих.

Когда же массы, не получив удовлетворения, выходили на борьбу за все то, чего они напрасно ждали от "точки", — бывало поздно. Новое насилие становилось на их пути.

Но в те, прежние времена, положение было иным — в двух отношениях. С одной стороны, массы были крайне темны и невежественны. Ясной идеи социализма, экспроприации, революции не было. Не существовало ни современной печати, ни других современных способов сообщения. Словом, отсутствовали все вышеперечисленные данной революции. С другой стороны потребности населения на местах не доходили до той фантастической степени остроты, до какой они дойдут в результате нынешних событий. Кроме того, никогда столь обширные массы не бывали выбиты из колеи. Вот почему, неудовлетворенность масс в прежних революциях выражалась лишь вспышкой озлобления, но не переходила в действие, не направлялась в созидательное русло.

Совсем иное дело — сейчас, в этой революции.

Если мы, анархисты, всегда находили ребяческой идею организации "социалистического государства", т. е. устройства новой жизни, при помощи захваченной партией политической власти, из центра; если мы всегда считали компрометирующей истинного социалиста веру в такой, абсолютно несоциалистический метод решения, — то тем более нелепой представляется нам мысль, что в данной революции удастся, при помощи "диктатуры пролетариата", захвата власти и центрального ("пролетарского") правительства, прийти к социалистическому перевороту. Мы должны сознаться, что больше понимаем, в этом случае, тех социалистов (государственников), которые в "настоящий день" не верят в возможность такого социалистического переворота. Они инстинктивно чувствуют эту невозможность, так как самый переворот они мыслят централистически. Разница между ними и нами, во-первых, та, что они верят в далекую, некогда, возможность такого переворота, — мы же думаем, что им так и не суждено когда-либо дожить до "настоящего дня"; а, во-вторых, та, что из нынешней невозможности они видят лишь один выход — буржуазно-демократическую республику.

Мы же предвидим, как предвидели и всегда, совершенно иную возможность.

Ни Учредительное Собрание, ни какое бы то ни было иное правительство не сможет удовлетворить интересов и потребностей всего населения. Несоответствие между задачей и способом решения станет реальностью, фактом. И, рано или поздно, население поймет это. Быть может, поймет не сразу. Быть-может, некоторое время подождет. Быть-может,

временно успокоится на победе центрального социал-демократического органа власти... Но, в конце концов, оно неминуемо убедится в безвыходности положения и в невозможности добиться удовлетворения таким путем.

Тогда, не получив удовлетворения из центра, массы, — в обстановке нынешней революции, — неизбежно возьмутся сами, на местах, за решение всех её задач.

Они выдвинут и создадут на местах, из собственных недр, необходимые им для этой цели организации, свяжут их между собою и приступят к свободному переустройству жизни.

Тогда революция перескочит через головы глубокомудрых социалистов "в футляре", как она перескочила через головы кадетов, называвших еще недавно "бреднями" ту самую республику, которой они теперь "служат".

Ибо, если народ сам — повсюду, на местах — начнет решать вопросы революции и творить новую жизнь, то он, вне всяких уже сомнений, будет совершать революцию социальную, приступая, при помощи своих массовых организаций, к повсеместной экспроприации и переустройству. Причем, — в обстановке данной революции, — своя, внутренняя армия не станет противодействовать ему, а окружающие страны загорятся сочувствием и стремлением подражать ему...

Неизбежное разочарование масс во всякой попытке вывести нынешнюю революцию из тупика на большую дорогу при помощи центрального правительства, и, в результате, неминуемый приступ к самостоятельному, на местах, решению всех задач этой революции, - при содействии армии и сочувствии окружающих народов, - мы и считаем "главным козырем" этой революции.

Тупик революции

1917, 11 августа. Петроградский „Голос Труда“, № 1. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

Статья написана после неудачного «июльского выступления» в Петрограде.. Я тогда только что приехал, вместе со многими товарищами, из-за границы.

Наша революция обладает одной чрезвычайно характерной чертой: сжато, "в конспекте", мельком пробегает она ту историческую книгу, которую так туго, — страницу за страницей, слово за словом, — читали, изучали и усваивали наши западно-европейские предшественники.

"С места в карьер", огромными, судорожными скачками, как-бы закусив удила и спеша в бешеном галопе наверстать расстояние, несется наша революция, во весь опор, по тому историческому пути, по которому так медленно, так робко и так трудно продвигались, до нас, западные народы. Догнать, больше того — на всем скаку обогнать, обойти их, успевших таки пробраться довольно далеко вперед, стремится наша революция...

1-го марта падает абсолютная монархия. На пути революции вырастают неясные очертания монархии ограниченной. На одно лишь мгновение, одним только краем своим цепляется революция за этот призрачный силуэт... Новый порыв, новая судорога, новый сильный скачек, — и призрак конституционной монархии остается далеко позади, рассеивается, тает...

Впереди обрисовывается, зовет и манит иной призрак — туманный, расплывчатый остов республики. Он колеблется, он непрерывно меняет свою форму, он множится на наших глазах — этот новый призрак...

Он так соблазнителен! Он столько уже остановил на пол-пути!.. Но быстрыми, последовательными скачками переносимся мы от республики яркобуржуазной к республике "неопределенной"; и далее — к республике "демократической" и широко-федеративной (к республике "без президента", читали мы в печати недавнего прошлого)... И уже мерещатся нам впереди очертания республики "социальной"!..

Таковы чисто-политические этапы революции. И такими же гигантскими скачками оставляем мы позади смертную казнь, цензуру, полицейские стеснения, национальные и религиозные ограничения... Словно быстро сменяющиеся верстовые столбы, мелькают перед нами: восьмичасовой рабочий день, свобода стачек, вольные собрания и вольные речи, революционные газеты, рабочие организации, фабрично-заводские комитеты, рабочий контроль над производством, крестьянские съезды, "вся земля народу"... Советы Рабочих Депутатов начинают осуществлять на две трети "государственную власть"... Партия социалистов-революционеров, — партия социальной революции в деревне, — становится

партией правительственной... Далеко-далеко позади оставляются нами, в этой бешеной скачке первых четырех месяцев, самые передовые страны...

Такой ход событий, — в случае насильственной революции снизу можно было легко предвидеть (и многие предвидели его) заранее. Но в наши намерения не входит сейчас исследование причин и корней отмеченного нами явления. Вопрос занимает нас с совершенно другой стороны.

Неудержимо рвется вперед мечта-революция. И вот—вдали новый силуэт: "Вся власть, Советам!"... "Диктатура революционной демократии!"...

Силуэт социального переворота. Силуэт полной, социальной революции. Силуэт умирающего капиталистического порядка. Силуэт перестраивающегося на социалистических началах общества... Последний этап и последний силуэт революции!

Перед ним — крутой поворот пути. Тот самый поворот, к которому в настоящее время,— все так же медленно, тяжело и осторожно, — приближаются трудовые массы других стран. Поворот, за которым грезится "начало" конца и буржуазного царства...

На самом повороте — последнее препятствие: высокая каменная стена.

Судорожно вонзаются шпоры всадника в тело бешено мчащейся Революции. Кровь, свежая кровь брызжет из-под шпор... С разбега, взвизывая на дыбы благородный конь — и ударяется о стену. И падает во прах, не рассчитав, не преодолев преграды...

Оборвалась сразу бешеная скачка. Не слышно больше галопа копыт. Пала на землю жуткая тишина...

Тише, вы, ротозеи революции! Ибо — великая мечта повергнута в прах.

Замолчите, глупцы! Не мешайте скорби. Ибо — великая революция тяжело ранена.

Ликуйте, злорадствуйте, веселитесь, все вы, лжецы, клеветники и негодяи! Пришел ваш праздник. Ибо — сердце революции истекает кровью...

"Резолюция разбита... Революция остановлена... Революция окончена... Революция загнана в тупик... Революция погибла... Наступает реакция... Начинается контр-революция"... Так говорят ротозеи революции. Так шушукаются и сплетничают по углам карлики-обыватели. Так гнусавит худосочная печать...

Так заявляет, наконец, само "Правительство", наскоро объявляя себя "правительством спасения революции" и кидаясь, ради этого спасения, в объятия той самой реакции, от которой надлежит спастись...

И — нагло разгуливают, форсят, гогочут, шипят и хихикают по улицам вылезшие снова на свет божий болотные гады, то шепелявя и пришепетывая, то кликушествуя и выкрикивая: "Долой революцию! Довольно революции! Мы хотим порядка, законности и сильной власти!"...

Но, не одни только ротозеи, обыватели, правители и гады болотные чуют муть.

"Рабочий класс понес несомненное поражение... Мы отброшены назад, далеко назад — ко времени, предшествовавшему дням 20—21 апреля... Пролетариат потерпел поражение... Поражение налицо... Соотношение общественных сил передвинулось в сторону имущих классов... Революция отброшена назад... Предстоят черные дни"...

Так пишет (статья "Что же теперь?"; "Новая Жизнь" № 76) столь серьезный, честный и вдумчивый публицист, как Л. Мартов.

И вот, будучи серьезным и вдумчивым писателем, Мартов, в той же статье, совершенно верно отмечает, что, все таки, «судьбы революции этим поворотом не решаются»; что сила революции «далеко еще не исчерпана»; что «свой реванш» революция будет иметь... Как нельзя более справедливо указывают и некоторые другие писатели в «Новой Жизни» на то обстоятельство, что объективные условия, создавшие революцию, не только не исчезли, но, наоборот, в сильнейшей степени обострились и будут продолжать обостряться в дальнейшем... И мы думаем, вместе с "Новой Жизнью" и Мартовым, что в недалеком будущем — против идущей вглубь реакции снова встанет идущая вглубь революция; что нынешняя реакция — явление временное, не окончательное и отнюдь не ликвидирующее революцию.

Но, в качестве революционного деятеля. Л. Мартов не ограничивается, в своей статье, одной только общей оценкой положения. Он останавливается также, с одной стороны, — на причинах кризиса, с другой — на тех способах, при помощи которых можно, по его мнению, вывести революцию из тупика; он говорит о методах "спасения революции".

По этим же вопросам высказываются ныне на страницах печати многие его единомышленники, социал-демократы. В партийной прессе не раз, за последние дни, затрагивается и разбирается вопрос о том, где лежат причины беды, как теперь быть и что делать, дабы помочь революции иметь "свой реванш". И мы хотим сейчас же сказать, что как глубокие причины кризиса революции, так и, в особенности, дальнейшие пути революционного действия представляются нам совершенно иными, нежели всей плеяде социалистических писателей. На вопрос "Что же теперь?" мы отвечаем различно.

Если бы у нас была возможность возвысить свой голос раньше, в самом начале революции, в первые дни и недели её вольного разбега, её жадных, неограниченных порывов и исканий, — мы и тогда, с самого начала, отстаивали бы совершенно иные пути и дела, чем предлагавшиеся социалистами. Мы выступали бы определенно против «программ и тактик» наших социалистических партий и фракций (большевиков, меньшевиков, левых с.-р., правых с.-р. и пр.). Мы поставили бы революции иные цели. Мы предложили бы трудовым массам иные задачи...

Пропаганде совершенно иных понятий о социальной революции и путях её посвящена была наша многолетняя работа за границей. Увы, наш голос не долетал до России, отгороженной от мира полицейскими рогатками и заставами.

Ныне, наши силы стягиваются здесь. И мы считаем своим прямым долгом, своей величайшей обязанностью тотчас же возобновить, — на родной, теперь свободной почве, — нашу работу. Мы должны действовать. Мы должны развернуть перед трудящимися массами новые горизонты; должны помочь им в их исканиях...

Силою вещей мы вынуждены поднять наш голос в такой момент, когда резолюция на время зашла в тупик, и массы приостановились в тяжелом раздумье. Нам предстоит сделать все возможное для того, чтобы раздумье это не пропало бесплодно. Мы должны использовать время так, чтобы новые волны революции застали массы более подготовленными, яснее сознающими свои цели, задачи и пути, чтобы эти волны не разбились, не расплескались снова в неосмысленном, бесплодном порыве...

Мы должны теперь же наметить те выходы из тупика, о которых, увы, нет ни одного слова во всей, без исключения, периодической печати.

Дальнейшие наши статьи и будут посвящены этому коренному вопросу как текущего момента, так и всей революции.

Историческая грань

1917, 18 августа. Петроградский „Голос Труда“, № 2. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

Далеко не первый раз, в истории последних десятилетий, и не в одной только России — движение труда по пути борьбы против Капитала оказывается временно загнанным в тупик, и передовые рабочие массы видят себя вынужденными топтаться на месте. Не у нас одних только - рабочее дело терпит поражение и обнаруживает какое-то роковое внутреннее ес силе. Не в одной только нынешней русской революции — могучий размах пролетарского действия оказывается направленным в ложную сторону, бьющим мимо цели и беспомощно повисающим в воздухе...

Читателю, вероятно, знакома, — из печати, по наслышке или же по опыту, — та длинная, скучная вереница серых, бесцветных, скрипучих годов, какую переживало рабочее движение "передовых стран (Англии, Германии, Соед. Штатов, Франции и др.) в конце минувшего XIX-го столетия. Нескончаемая вереница тусклых, безотрадных дней. Тяжелые, хмурые будни рабочей борьбы. Беспросветное, бескрылое, мещанское прозябание рабочей массы, — прозябание, сменившее собою революционные бури 40-х и - 70-х годов.

В течение этого долгого ряда лет, рабочее движение всех стран слепнет в своем медленном поступательном развитии, одному и тому же шаблону: оно сосредоточивается, с одной стороны, в недрах узко-профессиональных (экономических) организаций, с другой — в лоне социалистических (политических) партий.

Профессиональная организация и политическая партия — таковы, на долгое время, те единственные формы, в которые отливается на Западе рабочее движение, рабочая борьба. При этом, как профессиональная, так и политическая организации рабочего класса могут, конечно, носить, в разных странах, несколько различный характер. Взаимоотношения между той и другой организацией тоже могут быть разные... Неизменным определенным остается существо дела: профессиональные организации (профсоюзы в Германии и во Франции; трэд-юнионы в Англии; Федерация Труда в Соед. Штатах и т.д.) и политическая партия, постепенно пополняя свои ряды членами-рабочими, становятся, на долгое время единственными носителями, выразителями и руководителями пролетарских чаяний и пролетарской борьбы.

Совершенно такой же путь развития пробегает ныне - быстро, в сокращенном виде — русское рабочее движение. За какие-нибудь пять месяце революции, значительная часть русского пролетариата успела распределиться по многочисленным профессиональным организациям и политическим партиям. Рабочая борьба в России, с первых же своих шагов, вступила на путь, по которому медленно двигалось рабочее движение Запада.

Однако, к концу 90-х годов минувшего столетия, движение это оказывается, повсюду за границей, в несомненном тупике. Везде, рабочие массы начинают инстинктивно чувствовать, что они попали в тяжелое, ложное положение, в какой-то заколдованный круг, из которого нет прямого, ясного выхода.

Почти в одно и то же время, мысль сознательных, передовых слоев рабочего класса различных стран приходит, после долгого опыта, к одному и тому же выводу: **ни узко-профессиональное движение, ни политические партии не способны вывести пролетариат на широкую дорогу истинной социальной борьбы; ни то, ни другое не в состоянии привести пролетариат к социальной революции, к действительной победе.**

Вывод был тяжел и болезнен. Он дался рабочим массам Запада не без мучительных сомнений, колебаний и потрясений. Но, раз будучи сделан, он толкнул эти массы к новым исканиям, к новому творчеству, к созданию новых форм движения, организации и борьбы.

На грани XIX и XX веков, передовые рабочие массы Запада приходят к окончательному, твердому убеждению: **в организационном отношении - профессиональные союзы и политические партии не могут объединить и связать пролетариат в сплоченную, единую трудовую армию, которую можно было бы подготовить к решительной битве с капиталом и противопоставить организованной, объединенной силе последнего. В отношении прямой революционной борьбы - узкопрофессиональные и политические организации оказываются не только непригодными, но просто вредными интересам пролетариата.**

Придя к такому заключению, ищущая, творческая мысль рабочих масс Запада стала, естественно, искать выхода, искать нового пути, на котором можно было бы в равной степени избежать губительных недостатков как узкого профессионализма, так и партийно-политического "действия", — этих Сциллы и Харибды социальной революции.

Энергичные творческие искания передовых рабочих слоев не пропали даром.

На грани XIX и XX веков, пролетариат пришел, в целом ряде стран, к новым решениям, к новым путям и горизонтам, несколько различным, в разных странах, по своим очертаниям и формам, но однородным по своей внутренней сущности: рабочая мысль во Франции, в Соед. Штатах и, незадолго до войны, в Германии и Англии, пришла к необходимости создания, — вместо узко-профессиональных и партийно-политических организаций, — единой, сплоченной, самостоятельной и внепартийной, трудовой, экономически-социалистической боевой организации. Организации классовой, а не партийной. Организации революционно-социалистической, а не шкурной.

В латинских странах (Франция, Италия) это новое направление рабочей мысли и деятельности вылилось в форму так-называемого "синдикализма"; такая же форма стала, незадолго до войны, намечаться в Англии и Германии, где рабочие, в значительном числе, покидали ряды партий и юнионов и образовывали ячейки нового движения. В Соединенных Штатах это новое направление проявило себя, за последнее десятилетие, в форме так-

называемого „индустриализма". Везде рабочие массы обнаружили глубокое стремление порвать с прежними приемами организации и борьбы и приступить к созданию новых форм и путей...

Вот почему, грань XIX и XX веков является, в рабочем движении, крупной исторической гранью, которая недостаточно еще ясно учитывается и оценивается современными исследователями, теоретиками, деятелями и самозванными кропотелями пролетарского дела. Эта историческая грань ждет еще своей полной оценки. И такая оценка не за горами.

Что касается России, то у нас, — с первых же дней революции, — рабочее движение направилось, главным образом, по стопам наших предшественников и революции 1905 года; пролетариат, в главной своей части, принялся строить и заполнять профессиональные организации и кинулся в ряды политических партий. За пять месяцев революции, он перегнал, в этих двух направлениях, своих западных братьев и одним скачком достиг результатов, приобретенных старшими братьями путем долгого постепенного развития. Но, в результате этого скачка, наш рабочий класс тоже попал в тупик, в "тупик революции", из которого ныне должен быть найден определенный выход.

Подробная беседа об этом выходе предстоит впереди. Пока же, скажем одно: или рабочий класс России найдет, в судорогах революции, тот единственный выход, поиски которого составляют сущность рабочего движения Запада на грани XX го столетия, — или выход не будет найден. В первом случае, революция приобретет новую мощь, новую надежду на полную победу; во втором случае, "тупик" революции может очень легко оказаться её поражением.

Мы переживаем критические минуты. Чашки весов Революции то медленно колеблются, то судорожно дергаются. Им предстоит колебаться еще некоторое время. Затем, они остановятся. От того, сумеют ли русские рабочие вовремя, пока чашки весов еще колеблются, бросить на свою чашку новый принцип, новый организационный лозунг, новую идею, зависят, в значительной (если не в главной) степени, дальнейшая судьба и исход нынешней революции.

К моменту

1917, 25 августа. Петроградский „Голос Труда“, № 3. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

События следуют одно за другим, словно в гигантском калейдоскопе, с головокружительной быстротой.

Московское совещание... Прорыв рижского фронта... Контр революционные заговоры...

А что сказать о некоторых других, — быть-может, менее эффектных, но едва ли не еще более трагичных по существу, — «знамениях времени»?

Угрожающая массовая безработица... Призрак полного голода... Общее оскудение жизни... Общий развал...

Да. Это — революция. Подлинная, настоящая резолюция. Не светлый праздник, не "нечаянная радость", а великое и тяжкое испытание. В мучительных судорогах, в тяжелых очистительных страданиях рождается новая жизнь...

И вот, как во всякой подлинной революции, так и здесь — у всех, сменяющих друг друга, событий есть единый, связывающий их, глубокий внутренний смысл.

Есть одна основная черта, одна главная, центральная ось, вокруг которой, в сущности, вращаются все эти события, и которая представляется нам единственно-существенной, единственно-интересной, единственно важной и заслуживающей внимания, с точки зрения интересов трудящихся масс.

Идет великая борьба, — великая, трагическая тяжба; — между двумя вековыми историческими силами, между двумя старыми и смертельными врагами: между капиталом и трудом; между буржуазией и её рабами. Таково основное, "осевое" содержание революции. Все прочее, все промежуточное, все то, что стремится примирить, согласовать, сгладить, успокоить, — все это, хотя, быть-может, и характерно, и имеет временно свое значение, но — совершенно несущественно с точки зрения конечных результатов революционного процесса.

Хотим мы этого или не хотим; улыбается нам это или нет, — революция наша неизбежно закончится одним из двух: или, по ее окончании, останется капитализм, останется частная собственность на материалы и орудия труда, останется помещик, фабрикант, купец и останутся, следовательно, все те ужасы, которые неразрывно связаны с капиталистическим порядком вещей, — или же капиталистический строй исчезнет, не устоит, погибнет в горниле кровавых событий, и, "на другой день после революции", мы начнем жить на совершенно новых началах. Одно из двух: буржуазия будет, или не будет. Буржуазия или

победит, или будет побеждена. Или погибнет, или начнет царствовать, по образу и подобию буржуазии западно-европейской.

Обе стороны — и буржуазия, и пролетариат — более или менее отчетливо сознают эту сущность революции. И каждая из сторон стремится к своей, возможно более полной, по возможности исчерпывающей победе.

Таков основной смысл всего, совершающегося ныне. Такова та главная ось событий, без твердого уяснения и постоянного памятования о которой невозможно ни правильно разбираться в текущих событиях, ни верно оценивать и понимать их.

Мы знали всегда и знаем теперь, что в этой великой тяжбе — буржуазия пойдет на все. Она будет, как была всегда и везде, беззастенчивой в выборе средств и беспощадной в их применении. И чем затруднительнее будет становиться ее положение, чем серьезнее будет обозначаться угроза её владычеству, - тем бесстыднее будет её сопротивление революции, тем ужаснее будут меры, применяемые ею против революционного народа.

Все то, что происходит ныне, на глазах у всех, а также все, получаемые нами из серьезных источников сведения с мест, уже, как нельзя более ярко, подтверждают сказанное.

Буржуазия хочет победить. Всемирная буржуазия стремится погасить начавшуюся революцию, угрожающую её царствованию. И она не остановится ни перед чем, решительно ни перед чем, ради осуществления своей воли. Вот что мы должны сказать себе твердо, раз навсегда.

Но, у нас есть серьезные основания думать, что, на этот раз, буржуазии, — русской и международной, — не удастся сломить, раздавить, затопить в крови величайший, начатый Россией и медленно, но верно назревающий за границей "бунт рабов". У нас есть основания считать, что даже военные успехи Германии не приведут к "гражданским" успехам и не спасут от угрожающей революции ни саму немецкую, ни международную буржуазию. Слишком уж взбаломучено повсюду народное море. Слишком расшатаны везде устои жизни. Слишком разбушевалась стихия, чтобы можно было теперь, теми или иными способами, укротить, обуздать ее, ввести в нормальное русло, в спокойные берега... Повелители стихии не ожидали сами такого урагана. И не слишком ли поздно теперь, посеяв ветер, пытаться уловить и унять бурю?...

Мы понимаем, однако, что, для конечного успеха революции требуется величайшее напряжение сил, - повсюду, на местах, - и ни на минуту непрекращающееся дальнейшее углубление и расширение революции там, где она уже началась, т.-е. в России, с целью превращения ей в революцию истинную, в революцию социальную.

Вот почему, каковы бы ни бы ли события и передраги момента, мы говорим русскому пролетариату, русскому крестьянству, русским солдатам, русским революционерам: прежде

всего и паче всего - продолжайте революцию! Продолжайте энергично организовываться и связываться между собой вашими организациями, союзами, общинами, комитетами, советами. Продолжайте неумолимо и неотступно, - везде и всюду, — дело вмешательства в хозяйственную жизнь страны, дело перехода в ваши руки, т.-е. в руки наших организаций, всех материалов и орудий труда, дело устранения частных предприятий. Продолжайте революцию! Берите в свои руки решение всех жгучих вопросов момента. Создавайте необходимые для этого органы. Крестьяне - берите землю в ведение и распоряжение ваших комитетов. Рабочие — готовьтесь к переходу в ведение и распоряжение ваших организаций, — всюду на местах, — рудников и копей, промыслов и отдельных хозяйств, фабрик и заводов, машин и мастерских.

В ответ на все удары в спину: в ответ на все ухищрения, на все явные и тайные козни буржуазии, — вы должны еще определеннее, еще настойчивее организовываться, бороться, продолжать революцию.

Мы не видим, в совершающихся ныне событиях, ничего такого, что могло бы заставить нас отказаться от этой единственно-важной, единственно-ценной, единственно-спасительной и единственно-ясной, для трудящихся, задачи дня.

Наоборот. Более чем когда-либо, мы настаиваем ныне на безусловной необходимости отдать этой задаче все силы, все помыслы, всю энергию...

Власть в руки "революционной демократии", "вся власть Советам" или — "диктатура пролетариата"?

1917, 25 августа. Петроградский „Голос Труда“, № 3. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

Левое крыло социал-демократии ищет и никак не может найти того, кто должен был бы стать хозяином русской жизни, овладеть государственной властью и обратить ее на потребу и пользу трудовому населению.

Одни с.-д. говорят о переходе власти к "революционной демократии". Другие — еще совсем недавно заменили "устаревший лозунг «диктатуры пролетариата» новым лозунгом — "вся власть Советам", а теперь объявляют этот последний, в свою очередь, "устаревшим" и кропят живой водой лозунг "диктатуры"...

Печально обстоит у с. д-тов дело с вопросом о власти!... Печально потому, что именно этот вопрос представляется вам вопросом чрезвычайной, исключительной важности; вопросом, которому мы придаем центральное значение в дальнейших судьбах революции; вопросом, неясность и неустойчивость которого могут иметь самые губительные последствия... И, право, нам вчуже жаль партию, в рядах которой нет ни единодушия, ни даже сколько-нибудь определенного, постоянного мнения по вопросу, от ясной постановки и решения которого столькое зависит...

А между тем, решение это - "так близко, так возможно"... Решение вполне логическое, ясное, простое, само собою напрашивающееся (в особенности для с.-д. большевиков). Надо только решительно, смело протянуть к нему руку. Надо решиться произнести последнее,

логически необходимое слово: никому не следует овладевать государственной властью. **Не надо никакой власти.** Вместо власти, "хозяйном жизни" должны стать объединенные трудовые организации рабочих и крестьян, - организации, которые, - с помощью тех же солдатских организаций, - должны не "власть захватывать", а непосредственно перенять в свои руки землю и другие материалы и орудия труда и установить - всюду на местах - новый порядок хозяйственной жизни.

"Обыватели" и "лентяи" спокойно подчинятся новому порядку вещей. Буржуазия, - без солдат и без капитала, - естественно останется и без власти. Трудовые организации свяжутся между собой и сообща наладят производство, распределение, передвижение и обмен товаров на новых началах, создавая для этой цели, по мере надобности, необходимые центры, органы и связующие узлы. Тогда, и только тогда, победит революция. Только такая "диктатура" (не властная, не политическая, не централистская) приведет к цели.

До тех же пор, пока политические партии будут спорить между собой из-за власти и вовлекать в эти распри рабочие массы, разбивая их и вызывая на неудачные политические выступления — до тех пор не может быть и речи ни о победе революции, ни даже — о сколько-нибудь глубоком социальном переустройстве жизни.

Надо надеяться, что, если левая с.-д-тия так и не придет к указанному решению и выходу, то сами массы на местах вынуждены будут жизнью, - в конце концов, - приступить к нему. И мы думаем, что объективные условия эпохи и обстановки несут в себе зародыши такого разрешения "гордиева узла революции" и могут привести к такому выходу.

Само собой разумеется, что мы отнюдь не хотим быть пророками. Мы лишь предвидим известную возможность, известную тенденцию, которая может и не осуществиться. Но в этом последнем случае, нынешняя революция окажется еще не победной, не окончательной, не великой социальной революцией, и разрешение задачи, которую мы намечаем, ляжет на одну из грядущих революций.

Вместо передовой

1917, 6 октября. Петроградский „Голос Труда“, № 9. Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919.

Издавна принято посвящать передовые статьи глубокомысленным размышлениям о "текущих событиях". И я охотно верю, что оно так и должно быть. Газета живет недолго: один день, неделю... Естественно, что от неё ждут, прежде всего, живого отклика на злобу этого дня, этой недели.

Что делать, однако, если события, в один прекрасный (или не прекрасный) момент, как будто перестают "течь" и, расплывшись на время бесформенным, мутным пятном, превращаются в стоячее болото, не обнаруживающее никаких ясных признаков "течения"?

Именно таков, в его целом, настоящий момент. Река событий, до сих пор то спокойно протекавшая по равнинам, то чаще — бурно кипевшая по стремнинам гор, низринулась, наконец, в глубокую котловину и — остановилась, застыла, — правда, продолжая глухо бурлить в глубине своей, у самого дна, но не находя ясного пути своему дальнейшему разбегу.

Да будет же мне позволено, в такой момент, вместо беседы о "текущих событиях", воспользоваться временной приостановкой течения и, бросив взгляд назад, окинуть "мысленным взором" пройденный путь.

Меня тем более соблазняет эта мысль, что, лишь на днях вернувшись, после месячного отсутствия, в нашу "революционную столицу", я — признаться — не успел еще как следует проникнуться её новыми настроениями, запросами и интересами.

Итак, оглянемся назад и — подведем некоторые итоги.

Вы помните, конечно, первые дни, первые недели революции? Дни праздничного ликования, дни восторженных упований и ничем, почти ничем не омраченной радости... Дни весенние, дни голубые, дни солнечные,...

Где они теперь, эти невозвратимые дни?.. Где былые надежды? Где осиянная радость революционной, красной весны, первой воистину "красной" Пасхи?.. Где они?

Пришла осень.

Свинцовое небо. Свинцовые тучи. Тяжелые, молчаливые, осенние слезы...

Пришла такая же тяжелая, мучительная, кошмарная жизнь в темном тупике, в стоячем болоте, в мрачной котловине революции...

Как страшно изменилось все вокруг нас и в нас самих!.. Каким ужасом, каким зловещим мраком затянулись былые упования и радости...

Какими темными, беспросветными буднями сменился сияющий праздник революции...
Какими тяжкими сомнениями отравлена бодрая, ясная уверенность первых дней...

Почему же не оправдалась радость? Почему не сбылись надежды, Почему великая революция, так бодро, так уверенно, так сильно и величаво начатая, докатилась ныне до темной бездны, вместо ясного, светлого, творческого, неомраченного развития? Почему?

В борьбе новых сил, высвободившихся из-под обломков разрушенного только одно могло сразу направить революцию на истинный, широкий и творческий путь. Только одно могло поддержать, подхватить и поставить на новые рельсы всю хозяйственную жизнь страны. Только одно могло развернуть перед революцией действенные общественные горизонты. Только одно могло направить по верной дороге и повести к решению весь страшный вопрос о войне. Только одно: с первых же дней революции, вся трудовая Русь, все трудовое население городов и деревень — рабочие, крестьяне, и, отчасти, солдаты - должны бы были, создавая сеть своих трудовых, внепартийных, массовых организаций и деятельно объединяя их между собой, приступить к воплощению в жизнь плана перенятия "в свои руки", - то есть, в ведение и распоряжение этих организаций всей хозяйственной жизни страны. С первых шагов революции массы должны бы были направить всю свою энергию на работу по предварительной организации, подготавливая как дальнейшую планомерную экспроприацию всех средств производства, так и перенятие в свои руки всего дела передвижения и распределения продуктов, всей продовольственной задачи.

Ясно что эта громадная организационная задача должна была бы решаться беспартийно и отнюдь не на основах властного принуждения. Ясно, что вся эта задача была бы задачей творческой и устрояющей. Ясно, что эти же организации должны бы были действительно и ясно поставить и решить вопрос войны и мира; что только они могли бы решить его!

Ясно, что все силы должны были быть направлены на эту многостороннюю, творческую задачу. Ясно, что социалистическая, честная интеллигенция должна была помочь массам своими знаниями, советами, разъяснениями...

Было ли это сделано? Таким ли путем шел революционный процесс?

Оглянитесь назад. Вы увидите, что на это, единственно-необходимое дело не было обращено ни малейшего внимания.

Массы, слишком темные и неподготовленные, были не в силах сразу же осознать этот путь и вступить на него.

Интеллигенция, демократия — да будут они прокляты историей! — по старой привычке, послушные нелепой догме "научного социализма", потянулись к верхам, к центру, к "политической власти"... Началось — там, на верхах — великая партийная междоусобная брань. Начался дикий "танец программ". Началась безумная "пляска власти", закончившаяся, пока что, неслыханным в истории трагическим фарсом — "Демократическим Совещанием", с необычайной яркостью (увы, не для слепых!) разбившим последние иллюзии ребяческой "идеи власти"... Начались бесконечные прения во всякого рода политических говорильнях, где одни и те же люди, словно привидения появлялись, кружились, говорили, исчезали, снова появлялись и снова исчезали... Живого дела, действия, творчества — не было.

А жизнь, — та самая жизнь, которую надо было неотложно налаживать и создавать творческими усилиями массовых организаций на местах, эта жизнь разваливалась, рассыпалась, загнивалась...

Советы, руководимые все теми же политическими болтунами, все более и более повисали в воздухе. "Правительство" занималось ребяческой игрой во власти, шушуканиями, пререканиями и интригами...

Что же удивительного, что, после семи месяцев этой нелепой, безумной политической оргии, этого бреда политически помешанных людей, вся подлинная народная жизнь, а вместе с нею и революция оказались в тупике и разлились в нем смрадным, чадящим болотом!?

Какой ужас!

Какая боль — видеть и сознавать все безумие совершающегося и... быть бессильным остановить, образумить преступников, слепцов и трусов революции!..

Люди часто спрашивают: возможен ли еще творческий выход из создавшегося положения? Возможно ли еще истинное спасение революции?..

Наверху — тупые политиканы, пустые болтуны, бессовестные ренегаты и жалкие, не верящие в свободный размах и творчество масс, трусы; внизу - еще недостаточно сознательные, во многом темные, ощупью ищущие дорогу и пробивающиеся сквозь тьму массы... А за сценой — развалившаяся, разоренная, гибнущая жизнь, кишашая всевозможными кошмарными призраками: голода, разгромов, погромов, гражданской войны, диктатуры и пр., — призраками, готовыми каждую минуту облечься в плоть и кровь, ворваться на сцену и, под свист и улюлюканье нечистой силы, расшвырять в разные стороны как участников, так и зрителей великой трагикомедии... Куда мы идем? Куда идет

революция? — в судорогах отчаяния спрашивают себя люди, и зачастую не находят ответа.

Мне предстоит еще, в последующих номерах "Голоса Труда", подробно остановиться на ряде выдвигаемых революцией и моментом жгучих вопросов (о тупике революции и о выходе из него; об организации масс; о власти; о Советах и об Учредительном Собрании, и т. д.), — вопросов, отчасти уже затронутых мною в некоторых статьях первых четырех номеров газеты.

Пока же — скажу, в заключение, одно:

Или — в дальнейшем ходе революции, в результате происходящих ужасов, бедствий и передраг, после приостановок, новых всплесков, откатов назад, столкновений, ошибок, быть-может, даже гражданской войны и временной диктатуры, — массы, в непрекращающихся творческих исканиях, сумеют, наконец, довести свое сознание до той высоты, которая позволит им направить свои творческие силы в русло самостоятельной организации и созидательной деятельности на местах. И тогда — спасение и победа революции будут обеспечены.

Или — массы так и не сумеют построить, в процессе этой революции, свои собственные, объединенные между собою и прямо направленные на созидание новой жизни, организации. В этом случае, революция будет, рано или поздно, задушена; ибо, довести революцию до победного конца могут только такие организации...

Есть серьезные шансы за то, что сама жизнь, на этот раз, неизбежно (хотя, быть-может, еще и не так скоро; но, социальная революция и должна быть длительным процессом) приведет массы к явной необходимости взять задачу переустройства жизни в собственные руки. т.-е. в руки своих, приспособленных, со временем, к этой цели, организаций.

На этой почти неизбежности мы должны основывать все наши надежды.

Конец ли это?

1917, 20 октября. «Голос Труда», № 11.

Возможный переход "всей власти" (правильнее — захват политической власти) в руки "Советов" — конец ли это? Все ли это? Завершит ли этот акт разрушительную работу революции и откроет ли он двери к великому социальному строительству, к дальнейшему творческому разбегу её?

Победа "Советов", если она станет фактом, и дальнейшая новая "организация власти" — будут ли, действительно, победой труда, победой трудовой организации, началом социалистического переустройства? Эта победа и эта новая "власть", — выведут ли она революцию из тупика? Бросят ли они революции, массам, человечеству новые творческие горизонты и откроют ли они революции истинные пути к созидательной работе, к разрешению и улажению всех жгучих вопросов, нужд и интересов эпохи?

Все зависит от того, какое содержание вложат победители в лозунг "власти", в понятие "организации власти"; от того, как, в дальнейшем, будет использована победа теми силами, в руках которых окажется, на другой день после победы, эта так-называемая "власть".

Если под словом "власть" понимать переход в руки рабочих и крестьянских организаций, поддерживаемых организациями военными, всей творческой работы и организации жизни всюду на местах, — работы, в процессе которой, созданные на местах организации естественно и свободно объединятся между собою, приступят к новому общественно-хозяйственному творчеству и поведут революцию к новым горизонтам мира, экономического равенства и действительной свободы;

Если не подразумевать под лозунгом "власть Советам" организации политически-властных центров на местах, подчиненных общему государственно-политическому властному центру — Совету Петрограда;

Если, наконец, — после победы, — политическая партия, стремящаяся к господству и власти, отойдет в сторону и, действительно уступит место свободной самоорганизации трудящихся; если "власть Советов" не явится, на деле, политически-государственной властью новой политической партии, — тогда, и только тогда новый кризис сможет стать последним кризисом, началом новой эры.

Но если под "властью" разумеет организацию сильных партийно-политических центров, руководимых властным государственно-политическим центром в Петрограде; если "переход власти в руки Советов" будет, на деле, означать захват политической власти в руки новой политической партии, с целью сверху, "из центра" перестроить, при помощи этой власти, общественно-хозяйственную и трудовую жизнь населения и разрешить все сложные вопросы эпохи и момента, — то этот новый этап революции отнюдь еще не будет

окончательным.

Для нас не подлежит никакому сомнению, что и эта "новая власть" ни в каком случае не сумеет не только приступить к "социалистическому переустройству", но даже удовлетворить ближайшие нужды, потребности и запросы населения.

Мы не сомневаемся, что в этом, втором случае, массам предстоит очень быстро разочароваться в "новом идоле" и обратиться к иным путям, отбросив и новых богов...

Тогда, после некоторого, более или менее продолжительного перерыва, борьба неминуемо возобновится. Начнется третий и, на сей раз, последний этап Русской Революции, — этап, который сделает ее поистине Великой Революцией: начнется борьба между живыми силами, выдвигаемыми творческим порывом народных масс на местах, т. е. между непосредственно и самостоятельно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения, — организациями, приступающими, таким образом, к самостоятельному созиданию своей истинно новой жизни, с одной стороны, — и отстаивающей свое существование нейтралистской социал-демократической властью, с другой стороны. Борьба между властью и безвластием. Борьба между двумя издревле ведущими спор социальными идеями; марксистской и анархической.

И лишь полная исчерпывающая победа анархической идеи, — идеи безвластия и естественной, свободной самоорганизации масс, — будет означать истинную победу Великой Революции.

О так называемом «выступлении»

1917, 20 октября. «Голос Труда», № 11.

Заметка эта, весьма характерная для освещения позиции анархистов по отношению к октябрьскому восстанию и дополняющая мысли, развитые в других, связанных с окт. восстанием, статьях, напечатана была от имени "Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды", целиком разделявшего проводимую ней точку зрения.

Нас спрашивают, с разных сторон, как относимся мы к возможному предстоящему выступлению масс с лозунгом "вся власть Советам", и примем ли мы в нем участие.

Ответим кратко:

1) Поскольку мы вкладываем в лозунг "вся власть Советам" совершенно иное содержание, нежели то, которое вкладывается, по нашему мнению, в этот лозунг партией с.-д. большевиков, призванных событиями "руководить" движением; поскольку мы не верим в возможность широких горизонтов для Революции, если эти горизонты открываются путем политического акта — захвата власти; поскольку мы, таким образом, относимся отрицательно к политическому выступлению масс за политические лозунги, под влиянием идейной пропаганды политической партии; поскольку мы совершенно иначе мыслим как самое начало, так и дальнейшее развитие истинной социальной резолюции, — постольку мы относимся к данному выступлению отрицательно.

2) Если, тем не менее, выступление масс будет иметь место, то мы, как анархисты, примем в нем самое активное участие. Мы не можем не быть заодно с революционной массой, хотя бы она шла и не по нашему пути, не за нашими лозунгами, и хотя бы мы предвидели неудачу выступления. Мы всегда помним, что заранее предусмотреть направление и исход массового движения нельзя. И мы считаем, поэтому, всегда нашим долгом участвовать в таком движении, стремясь внести в него наше содержание, нашу идею, нашу истину.

Что же дальше?

1917, 27 октября. «Голос Труда», № 12.

Очень возможно, что настоящий номер „Голоса Труда" выйдет уже задним числом", то есть — при совершенно новой „политической обстановке".

Завеса взвигается. Ближайшее будущее выяснит, в чьих руках фактически окажется «власть», какую эта власть, по существу, будет, и что она сумеет сделать для Революции.

Мы уже говорили, что переживаемый ныне перелом лишь в том случае послужит началом-социальной революции, если, «на другой день» после победы, в слово «власть» будет вложена не идея новой политической власти партии в центре, идея свободного устройства новой жизни, всюду на местах, свободными и свободно объединяющимися между собою рабочими и крестьянскими организациями.

Следует также помнить, что сама по себе победа «новой власти» будет лишь тогда обеспеченной, и эта власть сможет лишь тогда приступить к творческой работе и организации новой жизни, когда победители решительно справятся с очень возможными дальнейшими противодействиями и со всякими общими затруднениями.

Грядущее чревато еще многими неожиданностями.

Победители должны твердо помнить, что лишь при действительном осуществлении социальной революции, т.-е. при полном обеспечении нужд, требований и запросов страдающей и угнетенной массы населения, революция сможет найти в себе силы, необходимые для её укрепления, дальнейшего развития и — в случае надобности для её защиты.

В противном случае — до конечной победы еще далеко.

Будем надеяться, что Революция, в конечном счете, преодолет все препятствия, войдет на широкую творческую дорогу и даст полный результат.

От нас, анархистов, многое зависит в этом отношении.

И мы должны быть готовы к новой борьбе, к новой работе, к великому созиданию истинно-новой жизни.

О восстании

1917, 27 октября. «Голос Труда», № 12.

Очень характерный обмен мнений имел на днях место между тремя деятелями.

Большевик Рязанов, по вопросу о "восстании", сказал, что «восстание готовят все те, кто создают в массах настроение отчаяния и индифферентизма».

В. Базаров (в "Новой Жизни") поставил, по этому поводу, вопрос: «Разве отчаяние и индифферентизм когда-либо побеждали?»

Н. Ленин, подтверждая правильность мысли Рязанова, пишет ("Раб. Путь", №42):

“ О, презренные дурачки из "Новой Жизни"! Они знают такие примеры восстания в истории, когда массы угнетенных классов побеждали в отчаянном бою, не будучи долгими страданиями и крайним обострением кризисов всякого рода доведены до отчаяния? Когда эти массы не охватывал индифферентизм (равнодушие) к разным лакейским предпарламентам, к пустой игре в революцию, к низведению либерданами Советов с органов власти и восстания до роли пустых говорилен?

Несомненно, все трое правы — каждый по-своему.

Рязанов совершенно прав, утверждая, что подобного рода "восстание готовят все те, кто создают в массах настроение отчаяния и индифферентизма".

Ленин совершенно прав, указывая на то, что и в прошлых революциях восстания вызывались, по существу, теми же причинами.

Базаров совершенно прав, сомневаясь в победоносности восстания. Он мог бы ответить Ленину: "Примеров, когда массы побеждали, будучи доведены до отчаяния, в истории еще не было. Именно поэтому, я сомневаюсь и на сей раз в победе".

В чем же дело?

Во-первых, Ленин забыл, что вопрос идет о социальной революции, о социальной победе; Ленин забыл, что ни одна из прежних революций не была победной с точки зрения трудящихся масс; что массы, восстававшие (совершенно верно, т. Ленин!) всегда и всюду под влиянием "настроения отчаяния и индифферентизма", ни разу еще не победили, в социальном смысле слова.

Во-вторых (и в этом суть), ни Ленину, ни Рязанову, ни Бааарову не приходит в голову одно очень простое рассуждение:

Да. Во всех прежних революциях, "игра в революцию", вместо "делания революции" (то есть, распри партийных лидеров на верхах из-за власти, вместо серьезного социально-революционного творчества, вместо приготовления истинно-классовой экономической революции в низах, рука-обруку с массой), — эта "игра" неизбежно приводила массы: 1) к "отчаянию и индифферентизму"; 2) логически — к восстанию "в отчаянии"; и 3) к конечному поражению революции.

Да. И наша революция, — в ту первую свою пору, когда, никто и ничто не могло еще помешать ей ни развернуться и укрепиться творчески, ни (раз укрепившись) свободно развиваться далее в том же направлении, ни, наконец, завершиться совершенно иного типа восстанием, — и наша революция, увы! выродилась в такую же политическую "игру в революцию": борьбу партий за власть.

Да. И с.-р—ы, и меньшевики, и большевики, с их "лидерами", сами повинны в нарождении отчаяния и индифферентизма "к пустой игре в революцию", а, стало-быть, и в роковом назревании шаблонного (политического) типа восстания: повинны постольку, поскольку все они, — вместо живой, творческой работы в массах к непосредственной помощи массам на пути дальнейшей стройки, совершенствования, объединения массовых организаций и сознательного направления их на планомерную экспроприацию, — сами принимали живейшее участие в этой политической "игре в революцию", в разных "совещаниях", политических махинациях и пр.; поскольку все они гнались за "властью", за "политическим результатом", и направили в ту же, ложную сторону внимание и энергию масс.

Пока все эти господа, в первые (самые ценные и свободные) месяцы революции, "играли" в неё, время уходило. Массы так и не стали на верный путь делания (организации) революции. Контрреволюция, предоставив партиям сколько угодно "играть", тем временем организовалась и подготовилась. Пришел, наконец, неизбежный, в таких условиях ужас жизни и привел с собой неизбежность восстания, вызываемого (совершенно верно, т.т. Рязанов и Ленин!) как и в прежних, побежденных революциях, "отчаянием и индифферентизмом", на почве "долгих страданий и обострения кризисов всякого рода"... А можно было избежать и этих "страданий", и этих "кризисов", если бы "политические партии" перестали быть "политическими партиями" и совершенно иначе взялись бы за дело!..

Да. Победоносная социальная революция осуществится не этим путем. Её восстание будет не "ленинским" восстанием...